

ВЕНГЕРСКИЙ АРХЕОЛОГ НАНДОР ФЕТТИХ И ЕГО СВЯЗИ С РУССКИМИ УЧЕНЫМИ-ЭМИГРАНТАМИ

© 2019 г. М.В. Ковалев^{1*}, А. Шереш^{2**}

¹Канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник
Архива РАН и Института всеобщей истории РАН

²Ph.D., старший научный сотрудник Института истории Венгерской академии наук

*E-mail: kovalevmv@yandex.ru; **E-mail: seres.attila@btk.mta.hu

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда
«За русский язык и культуру» в Венгрии в рамках научного проекта № 18-59-23005.*

В статье анализируются личные и деловые контакты венгерского археолога Нандора Феттиха (Fettich Nándor; 1900–1971) с русскими учеными эмигрантами, покинувшими Россию после революции и Гражданской войны. Главный акцент делается на его связях с «русской Прагой» и существовавшим там Семинарием (затем – Археологическим институтом) имени Н.П. Кондакова. В статье обрисовывается роль Н. Феттиха как культурного посредника между русской и венгерской наукой, демонстрируются примеры конкретного научного взаимодействия. В статье делается вывод, что Н. Феттих был первым иностранным ученым, вступившим на путь сотрудничества с пражским Семинарием. Он не только выступал с научными докладами перед его участниками и публиковал статьи в кондаковских изданиях, но также налаживал процесс книгообмена, помогал русским коллегам в знакомстве с венгерскими музейными коллекциями, давал научные консультации. В статье также показано, что контакты Н. Феттиха не ограничивались «русской Прагой» и интерес к нему и его творчеству проявляли многие видные фигуры в эмигрантской среде (М.И. Ростовцев, Ю.Н. Рерих).

The article disposes personal and professional contacts of Hungarian archaeologist Nándor Fettich; 1900–1971) with Russian émigré scholars. The main emphasis is put on his relations with the «Russian Prague» and the Seminar (later – the Archaeological Institute) named after N.P. Kondakov. The article outlines the role of Fettich as a cultural mediator between the Russian and the Hungarian scholarly circles, gives examples of specific research cooperation. Authors conclude that Fettich was the first foreign scholar, who took the path of collaboration with the Seminar. He not only made scholarly reports and published articles in Kondakov's editions, but also launched the process of book-exchange, was helping Russian colleagues to get acquainted with Hungarian museums' collections, gave scholarly advice. The article also shows that Fettich's contacts were not limited to the «Russian Prague», and many prominent figures of the Russian émigré circles (Mikhail Rostovtzeff, Yuri Roerich) were demonstrating interest in his works.

Ключевые слова: Н. Феттих, российско-венгерские научные связи, русская эмиграция, Археологический институт имени Н.П. Кондакова, история археологии.

Keywords: Nándor Fettich, Russian-Hungarian scholarly cooperation, Russian emigration, Archeological Institute named after N.P. Kondakov, history of archeology.

DOI: 10.31857/S0869544X0005434-0

Имя венгерского археолога Нандора Феттиха (Fettich Nándor; 1900–1971) сегодня не слишком хорошо известно в России. И хотя к трудам ученого продолжают обращаться специалисты по истории и культуре евразийских кочевников, почти невозможно найти исчерпывающей биографической информации об их авторе. Да и на родине Н. Феттиха, в Венгрии, до недавнего времени его жизненный путь оставался в тени забвения, хотя его исследования неизменно цитировали. Лишь в 1990–2000-е годы имя Н. Феттиха начало возвращаться в историю венгерской археологии [1; 2. 217–231. old.]. Затянувшееся полужабвение и в России, и на родине выглядит особенно странным и даже несправедливым, ведь в межвоенный период Н. Феттих был одной из ключевых фигур двухстороннего научного диалога, развивавшегося поверх границ, невзирая на противоборство режимов и идеологий.

Будущий археолог родился 7 января 1900 г. в деревне Ачад (Acsád) на западе Венгрии в семье почтмейстера. После окончания средней школы в Сомбатхее, куда семья переехала в 1909 г., осенью 1917 г. он поступил в Католический университет Петера Пазмания (Pázmány Péter Katolikus Egyetem) в Будапеште. Среди его учителей были крупнейшие венгерские ученые: лингвист Золтан Гомбоч (Gombocz Zoltán, 1877–1935), востоковед Дюла Немет (Németh Gyula; 1890–1976), археологи Балинт Кужинский (Kuzsinszky Bálint; 1864–1938) и Хенрик Марцали (Marczali Henrik; 1856–1940). 21 января 1921 г. Н. Феттих получил степень доктора философии и защитил диссертацию о votивных табличках римской Паннонии [3. 456. old.]. Он был одаренной личностью с широким кругом увлечений; оттого наряду с занятиями археологией учился в консерватории, был хорошо знаком с великим композитором Белой Бартоком (Bartók Béla; 1881–1945). В свете многогранности профессиональных интересов нет ничего удивительного и в многогранности интересов научных. Уже в середине 1920-х годов внимание Н. Феттиха от классической археологии сместилось в сторону археологии евразийских кочевников эпохи Великого переселения народов, неразрывно связанных с венгерским прошлым. Эти занятия требовали знакомства с достижениями российской науки, столь много сделавшей в ту пору для изучаемого им направления, и тем самым предопределили вовлеченность в русскую культурную среду. Молодой ученый старательно изучал русский язык, беря уроки у православного священника в Будапеште. 7 сентября 1923 г. Н. Феттих поступил на работу в Национальный музей, с которым была неразрывно связана его последующая ученая карьера.

Сложность изучения взаимоотношений Н. Феттиха с отечественной наукой состоит в том, что личный архив ученого, находящийся ныне в Национальном музее в Будапеште, сохранился крайне фрагментарно. Так, не известно ни одного письма к нему от русских эмигрантов и советских коллег, за исключением небольшого послания от археолога Алексея Алексеевича Захарова (1884–1937), датированного началом 1937 г. [4]. Потому приходится опираться почти исключительно на материалы Н. Феттиха в архивах других лиц, да еще разпыленных по разным городам и странам. Большим подспорьем служат обширные архивные материалы Археологического института имени Н.П. Кондакова в собрании рукописей Института истории искусств Чешской академии наук. Упоминание этой документальной коллекции не случайно. Ее детальная проработка позволяет реконструировать связи Н. Феттиха с обширной русской научной диаспорой, возникшей в результате исхода значительного числа интеллектуалов после революционных событий 1917 г. и Гражданской войны. Мы доподлинно не знаем, когда именно Н. Феттих впервые вступил в прямой контакт с коллегами из России. Но есть все основания полагать, что

произошло это именно посредством его соприкосновения с эмигрантскими кругами. В середине 1920-х годов он познакомился с кондаковцами — учениками и последователями знаменитого академика Н.П. Кондакова, которые весной 1925 г. образовали в Праге Семинарий в память о своем учителе и идейном наставнике.

Е.Ю. Басаргина называет имя Н. Феттиха в числе первых иностранных ученых, сделавших научный доклад в пражском Семинарии в 1925 г. [5. С. 779]. Правда, она ошиблась с датой, ибо выступление археолога на тему «Древности Венгрии в эпоху переселения народов по новым находкам» состоялось 15 января 1926 г. [6. С. 297–298]. Однако смысл события подмечен верно — Н. Феттих был первым иностранным специалистом, включившимся в сотрудничество с кондаковским Семинарием. Именно в Праге он получил возможность личного знакомства с русскими коллегами, оказавшимися в эмиграции (Н.М. Беляев, Г.В. Вернадский, А.П. Калитинский, Д.А. Расовский, Н.П. Толль).

Факт близости к кондаковцам засвидетельствован и в том, что Н. Феттих оказался в числе тех зарубежных авторов, кто был приглашен к участию в сборнике в память Н.П. Кондакова. Достаточно сказать, что он, молодой венгерский археолог, оказался в среде таких признанных международных авторитетов, как Н. Банеску, О.М. Дальтон, В.Н. Златарский, Н. Йорга, Г. Милле, А. Муньоз, А. Протич, М.И. Ростовцев и др. Для мемориального сборника Н. Феттих подготовил статью о зверином стиле в искусстве евразийских кочевников [7. С. 81–92].

Причина взаимного интеллектуального притяжения Н. Феттиха и кондаковцев объяснима. Она связана с общностью научных исканий, лежавших в русле евразийской археологии, искусства и культуры кочевых народов. Для венгерской археологии эти проблемы были в числе ключевых, поскольку оказались неразрывно связаны с вопросами этногенеза древних венгров, их контактов с соседями. Они также влияли на поиски национальной и политической идентичности, особо обострившиеся после Первой мировой войны, крушения Австро-Венгерской монархии и драматических потрясений Трианонского договора, лишивших Венгрию 2/3 территорий.

Деловые контакты быстро переросли в личные. Не без поддержки Н. Феттиха проходила научная командировка в Будапешт в декабре 1926 — январе 1927 г. членов кондаковского Семинария Николая Петровича Толля (1894–1985) и Николая Михайловича Беляева (1899–1930) [8. С. 341] с целью знакомства с богатыми археологическими коллекциями Национального музея, в том числе с материалами, привезенными из России в конце XIX в. в ходе экспедиций графа Енё Зичи (Zichy Jenő; 1837–1906). Несмотря на немногочисленность артефактов, большая часть которых происходила из Сибири, коллекция представляла явный научный интерес. Потому еще в начале XX в. она попала в поле зрения археолога Белы Пошты (Pósta Béla; 1862–1919) [9]. Однако ее комплексного исследования так и не было проведено. Для русских эмигрантов, оторванных от родных мест, знакомство с «русскими древностями» теперь стало возможно в Будапеште. Примечательно, что в январе 1929 г. Н.П. Толль снова посетил венгерскую столицу для занятий в Национальном музее, где он снова встречался с Н. Феттихом [10. С. 330]. Для Н.П. Толля знакомство с венгерскими музейными коллекциями сыграло важную роль в подготовке статьи о минусинских бронзовых кинжалах из собрания графа Зичи, тип которых ранее изучался немецким археологом Геро фон Мергарт (Gero Kurt Karl Maria Merhart von Bernegg; 1886–1959) [11. Р. 183–188]. В августе 1931 г. Н.П. Толль

повторно посетил Будапешт, где при поддержке Н. Феттиха вновь работал с коллекциями Национального музея [12].

Когда в Праге готовилось посмертное издание лекций Н.П. Кондакова о средневековом искусстве и культуре, читанных в Карловом университете, к Н. Феттиху обратились за помощью в поиске иллюстраций для первого раздела книги, посвященного скифо-сарматским древностям на юге России. Речь шла о фотографиях бронзовых оленей из Сибири из собрания Национального музея, которые венгерский ученый любезно переслал в Прагу [13. С. II, 47]. Однако есть основания полагать, что высококачественные фотографии эрмитажных экспонатов, помещенных в этом же разделе, появились также не без участия Н. Феттиха, посещавшего летом 1926 г. Ленинград. На этот факт косвенно указывают материалы Архива Эрмитажа. 23 декабря 1928 г. в Будапешт на имя Н. Феттиха было отправлено письмо Леонида Антоновича Мацулевича (1886–1959) с приложением фотографий двух экспонатов. Вскоре, 8 января 1929 г., Мацулевич распорядился переслать коллеге еще пять снимков [14. Л. 32, 43–44]. Правда, известные документы молчат о том, какие именно экспонаты были запечатлены на фото. Но факт остается фактом, да и время отправки снимков допускает их использование при подготовке к изданию лекций Н.П. Кондакова. Данное обстоятельство характеризует важную сторону деятельности Н. Феттиха и его связи с русскими эмигрантами: он оказывал консультативную помощь в поиске нужной информации. Археолог также знакомил коллег с достижениями венгерской науки, с местными музейными коллекциями, а вместе с тем был участником транснационального интеллектуального обмена, в который были включены ученые из разных стран.

Известно письмо Н. Феттиха от 17 февраля 1927 г. [15], адресованное в Прагу главе кондаковского Семинария Александру Петровичу Калитинскому (1879–1946). К письму прилагалась фотография фибулы с изображением императора Константина I, приобретенной Национальным музеем в 1912 г. из коллекции Антала Хорвата (Horváth Antal; 1848–1912) в Пече. Калитинский и его коллеги в это время как раз занимались изучением фибул, происходивших из Византии или из ее восточно-христианских провинций. Важность этого направления работы русский ученый отчетливо обрисовал в одной из статей: «Особое место среди археологических мелочей занимает фибула — родоначальница современной брошки и так называемой у нас английской булавки. Возникши еще в бронзовую эпоху, приблизительно около второй половины II тысячелетия до Р.Х., она просуществовала почти три тысячи лет. За этот долгий период фибула совершила весьма сложную и разнообразную эволюцию, запечатлев на себе вкусы разнообразных эпох и народов, особенно их одежды и состояние техники. [...] Будучи характерной для эпохи и народности, фибула является для археолога тем же, чем для палеонтолога служит “руководящее ископаемое”. Понятно поэтому и то внимание, которое ей было уделено в науке о древностях» [16. С. 39]. Пражские музейные собрания не располагали нужным археологическим материалом, но зато он имелся в Будапеште. На территории Венгрии еще в XIX в. было найдено немало артефактов, которые сразу попали в поле зрения исследователей, таких как Йозеф Хампель (Hampel József; 1849–1913). В 1929 г. Н.М. Беляев в первой части «Очерков по византийской археологии» поблагодарил Н. Феттиха за «многочисленные услуги по доставке фотографий, справок о памятниках Венгерск[ого] Нац[ионального] Муз[ея]», в частности, за знакомство с важной для него археологической находкой — донышком фибулы из Дунасекесё (Dunaszekeső) в комитате Баранья (Baranya) [17. С. 81–82, 98].

Контакты Н. Феттиха не ограничивались «русской Прагой». Так он вел переписку с Михаилом Ивановичем Ростовцевым (1870–1952), жившим в эмиграции в США. В июне 1928 г. этот выдающийся историк сообщал своему финскому коллеге А.М. Тальгрёну: «Феттих прислал мне рисунок с поясной пряжки из коллекции Заусайлова, которая меня очень заинтересовала, так как из его рисунка я впервые ясно себе представил его форму. Крючок в форме головы грифона, плоский конец в виде головы и крыла грифона» [18. С. 513]. Здесь имеется в виду предмет из собрания казанского купца В.И. Заусайлова, которое еще до революции было приобретено для музея в Хельсинки [19. S. 13–17]. Н. Феттих в июне 1928 г. как раз посещал финскую столицу и имел возможность сделать там нужные зарисовки и фотографии. М.И. Ростовцев с глубоким уважением относился к венгерскому археологу и также старался информировать его о своей текущей деятельности. Потому в декабре 1933 г. он просил американское издательство переслать в Национальный музей в Будапеште опубликованные отчеты о своих недавних раскопках в сирийском городе Дура-Европос: «Феттих всегда добр ко мне, и мне хочется, чтобы у него были эти тома» [18. С. 554].

Ученые-эмигранты внимательно следили за научными исследованиями Н. Феттиха. Екатерина Николаевна Клетнова (1869–1938), одна из первых русских женщин-археологов, отметила статью венгерского коллеги в известном финском журнале «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» [20. С. 298–300], которую тот посвятил сравнению поясных наконечников и пряжек из могильника Кёрёшладани (Körösladány) в Восточной Венгрии с находками в Перниё (Perniö) в Южной Финляндии, вновь демонстрируя взаимодействие и взаимовлияние культур в древности [21. Р. 52–65].

Таким образом, Н. Феттих стал культурным посредником в деле знакомства русских ученых с достижениями венгерской науки, равно как и наоборот. Наряду с другим венгерским ученым — Дюлой Моравчиком (Moravcsik Gyula; 1892–1972), он регулярно посылал свои работы в Прагу для ознакомления с ними русских коллег. Вместе с тем Н. Феттих присылал текущую венгерскую научную литературу, в том числе главные археологические журналы — «*Archaeologiai Értesítő*» и «*Archaeologia Hungarica*» [8. С. 341; 10. С. 330; 22. С. 379; 23]. В ответ кондаковцы пересылали ему пражские издания и знакомили со своими исследованиями, как хотя бы Дмитрий Александрович Расовский (1902–1941), пославший ему в Будапешт 16 июля 1933 г. [23] свою статью о половцах, торках и берендеях на Руси [24. С. 1–66]. В этом исследовании историк выдвинул гипотезу о тождестве упоминавшихся в русских летописях берендеев с племенами *Berencs* и *Berend* из венгерских средневековых источников. Он апеллировал лишь лингвистическими категориями и, признавая уязвимость своей версии, хотел подкрепить ее вещественными доказательствами, сравнив разнообразные находки. Потому он обратился к Н. Феттиху: «Мне очень хотелось бы заинтересовать кого-нибудь из мадьярских археологов произвести такую совместную работу. Ведь вероятно должен же существовать мадьярский археологический материал от такого большого племени, как печенежско-берендейского, на протяжении трех с лишним столетий жившего на территории Венгрии? Если исходить из мысли о долженствующем быть тождестве или большой близости между русским и мадьярским археологическим материалом данных тюркских народов, то в таком случае наличие русского археологического материала значительно облегчило бы определение мадьярского» [24]. Увы, мы не знаем, что ответил ему Н. Феттих. Зато доподлинно известно, что точка зрения Д.А. Расовского не выдержала критики со стороны венгерского

ученого Ласло Рашони Надя (Rásonyi Nagy László; 1899–1984) [25. С. 219–226], и русский коллега был вынужден признать свою неправоту [26. С. 163].

Сотрудничество Н. Феттиха с учеными русской Праги, помимо обмена информацией, проявилось и в публикации ряда научных работ. Кондаковский Семинарий позиционировал себя как международная научная организация и потому приглашал к участию в своих изданиях коллег из разных стран. Особое место занимал начавший выходить в 1927 г. периодический сборник «Seminarium Kondakovianum». Уже во втором его выпуске Н. Феттих напечатал статью о серебряной готской пряжке из собрания Национального музея, которая в 1927 г. была приобретена у антикварного торговца и увязана с местечком Сабадбатянь (Szabadbattyán) [27. С. 105–111]. Автор соотнес эту пряжку с иными находками (серебряные фибулы и пряжки), сделанными в разное время в этом районе, приняв во внимание внешние формы, технику и стилистические особенности, и сделал вывод, что описываемый им предмет демонстрирует влияние позднеримских традиций на варварское искусство и что таким образом нужно говорить о культурных взаимодействиях на широких просторах Евразии [27. С. 110–111]. Эта идея как нельзя лучше вписывалась в научную программу кондаковского Семинария.

С 1929 г. Семинарий начал издавать книжную серию «Скифика» (ΣΚΥΘΙΚΑ), во главе которой встал Н.П. Толль. В первом выпуске была напечатана работа М.И. Ростовцева «Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль», а во втором — исследование Н. Феттиха о бронзовом литье в кочевом искусстве [28]. Появление его книги в этой серии, да еще вслед за работой всемирно известного ученого, свидетельствует о глубоком признании заслуг и авторитета русской эмигрантской наукой. Не случайно, что А.П. Калитинский, перечисляя в письме к Ю.Н. Рериху в сентябре 1931 г. лиц, особо близких Семинарию, наиболее тесно связанных с ним и всегда энергично реагировавших на его нужды, называл имена М.И. Ростовцева, С.А. Жебелева, Э. Миннза, Г. Милле, Л. Нидерле, А.М. Тальгрена и Н. Феттиха [29. С. 116]. Присутствие венгерского археолога в одном ряду с признанными классиками исторической науки и археологии говорит о многом.

Названная книга Н. Феттиха содержала подробное описание бронзовых предметов из древневенгерских могильников, причем в их неразрывной связи с древностями юга России, Сибири, Средней Азии и Монголии. Большинство описанных им предметов являли собой пряжки или украшения для ремней, содержащие сцены битвы животных и растительный орнамент. Н. Феттих указывал, что тип курганных захоронений был принесен на Венгерскую равнину издалека и что найденные в них литые бронзовые предметы не имеют орнаментальных аналогов с европейскими. Словно в противовес, он показывал глубокие культурные заимствования из Азии, проводил параллели с бронзовыми находками из Минусинска. Так раскопки группы курганов в Мошонсентьяноше (Mosonszentjános) убедили его в том, что они принадлежат кочевому племени монголоидной расы и что художественные особенности сделанных там находок роднят их с культурами других азиатских кочевников.

На эту работу ответил рецензией Юрий Николаевич Рерих (1902–1960) [30. Р. 94–96], который высоко оценил ее. Особенно ему импонировала идея культурной связи описанных материалов с кочевыми культурами Центральной Азии, а также аналогии с находками в России. При этом Ю.Н. Рерих вполне оправданно заметил, что было бы небезынтересно провести параллели между ними и новейшими находками П.Д. Рау в Нижнем Поволжье близ Покровска.

Рецензию Ю.Н. Рерих завершил пожеланием Н. Феттиху как можно скорее представить полный перечень венгерских находок, которые, несомненно, по-новому осветят проблемы археологии кочевых племен [30. Р. 96].

В 1931 г. в той же кондаковской серии «Скифика» увидела свет новая работа Н. Феттиха, написанная им в соавторстве с археологом Дюлой Ре (Rhé Gyula; 1871–1936) [31]. В ней читателям были представлены результаты раскопок у сел Юташ (Jutas) и Эшкю (Öskü), предпринятых в 1920-х годах по инициативе Музея Веспрема. Авторы полагали, что имеют дело с самым древним захоронением на территории Венгрии, сохранившим черты взаимодействия монголоидов и западногерманских племен. Новаторство работы заключалось в том, что это было первое венгерское исследование, сравнительно изучавшее антропологические и археологические материалы. Авторы акцентировали внимание на том, что сделанные находки с исторической и этнологической точек зрения важны как для изучения древней венгерской истории, так и для понимания миграций народов в евроазиатском измерении. Потому, например, они позволяют пролить свет на характер Кёстхейской культуры, отразившей смешение романских, славянских и аварских начал. Феттих ценил эту свою работу и заранее анонсировал коллегам ее издание, как, например, в письме к финскому коллеге Арне Михаэлю Тальгрёну 24 июня 1930 г. [12] или британскому археологу Эллису Миннзу (Sir Ellis Hovell Minns; 1874–1953) 4 октября того же года [32].

Но если для Феттиха начало 1930-х годов характеризовалось творческим подъемом, то у кондаковцев, напротив, возникли многочисленные трудности. Прогремевшее в 1928 г. «дело Жебелева» больно ударило по контактам Семинария с остававшимися в СССР коллегами, сведя их почти на нет. Еще в 1927 г. в США переехал Г.В. Вернадский, бывший одним из лидеров объединения. Внезапно развившаяся психическая болезнь в сентябре 1930 г. вывела из строя главу Семинария А.П. Калитинского. В декабре 1930 г. был насмерть сбит случайным грузовиком неподалеку от Вацлавской площади хорошо знакомый Феттиху молодой и талантливый Н.М. Беляев. Об этом трагическом событии венгерский археолог 7 января 1931 г. написал своему финскому коллеге А.М. Тальгрёну, охарактеризовав его как «очень большую потерю для Семинария» [12].

Работа Семинария становилась все более дезорганизованной. К тому же интересы его членов стали слишком разниться, что нарушало изначальное единство [33. Р. 341]. Выход из кризиса виделся в придании объединению официального юридического статуса и четкой организационной структуры. Так было принято решение преобразовать Семинарий в Археологический институт имени Н.П. Кондакова, устав которого был подписан 1 июля 1931 г.

17 марта 1932 г. Н. Феттиху в Будапешт было отправлено письмо, сообщавшее о произошедших преобразованиях. Вместе с этой новостью содержалось следующее предложение: «Учитывая Ваше дружеское отношение к Семинарию и Ваш большой вклад в изучение археологии, Правление Института просит Вашего разрешения войти в число членов Кондаковского института. Принимая это предложение, Вы, дорогой доктор, удостоили бы нас большой чести» [23].

Н. Феттих на полученное приглашение 9 апреля 1932 г. ответил воодушевленным согласием: «С глубочайшей благодарностью и удовольствием я принимаю любезное послание Института о моем избрании в качестве научного члена Кондаковского института. На масштабные научные усилия Кондаковского института, или, соответственно, Кондаковского семинария, я всегда смотрел

с восхищением. Для меня большая честь участвовать в работе новообразованного Института» [23]. Материальные затруднения побудили русских пражан ввести сложную систему членства, утвердив звания почетных членов-благотворителей, почетных членов, членов-основателей, действительных членов, ученых членов и членов-корреспондентов. Это делалось для привлечения дополнительных средств в виде взносов. За свое участие в работе Института Н. Феттих должен был платить. Причем он был в числе немногих, кто исправно вносил причитавшиеся суммы.

Проблемы института росли как снежный ком. Э. Миннз, посетивший Прагу по пути в Будапешт в августе 1935 г., рассказывал в письме к М.И. Ростовцеву о печальном положении Кондаковского института, который «еле-еле держится» и которому вскоре, вероятно, «конец» [18]. Но даже в эти крайне трудные для института годы венгерский археолог не порывал связей с ним.

Н. Феттих сотрудничал с разными венгерскими научными и общественными организациями, в том числе с католической церковью. В 1936 г. архиепископ Дьёрдь Юстиниан Шереди (Serédi Jusztinián György; 1884–1945) поддержал его работы по изучению венгерских средневековых памятников. Ученый запланировал исследование меча св. Стефана, по преданию принадлежавшего основателю Венгерского королевства и хранившегося в сокровищнице собора св. Вита в Праге. Тогда 20 июня 1936 г. он обратился за практической помощью в Археологический институт имени Н.П. Кондакова, написав письмо княгине Наталье Григорьевне Яшвиле (1861–1939) [23], ведавшей всеми административными делами в отсутствие Н.П. Толля, который находился на раскопках в Сирии вместе с М.И. Ростовцевым. Н. Феттих просил ее передать послание на имя архиепископа Праги и примаса Чехии Карела Кашпара (Karel Kašpar; 1870–1941) с просьбой разрешить посещение сокровищницы собора св. Вита для изучения мелких деталей меча [23]. Он сетовал, что поездка близится, а неопределенность остается. Княгиня со свойственной ей любезностью и радушием немедленно ответила Феттиху и пригласила поселиться у нее во время пражского турне, однако оказать конкретной помощи в переговорах с представителями церкви не смогла. По ее поручению Д.А. Расовский ходил в канцелярию архиепископа. Там ответили, что его высокопреосвященство помочь в решении вопроса не может и что следует обратиться к епископу Яну Ремигеру (Jan Remiger; 1879–1959) — но позже, поскольку тот отсутствует в Праге. Из описания этой истории, зафиксированной в письме Н.Г. Яшвиле к Н. Феттиху от 23 июня 1936 г. [23], складывается ощущение, что представители высшего духовенства не слишком хотели допускать исследователя к мечу св. Стефана. Отсюда и ее признание в явной нелюбезности сотрудников церковной канцелярии. Княгине лишь оставалось посоветовать Феттиху написать письмо по-немецки на имя епископа Ремигера. Кажется, обращение русских коллег все же возымело действие. Из письма венгерского археолога, датированного 7 июля 1936 г. и адресованного, вероятно, Д.А. Расовскому, узнаем, что ему удалось посетить чехословацкую столицу и добиться желаемого. Для него обещали изготовить необходимые фотографии меча св. Стефана. Н. Феттих благодарил русских коллег, подчеркнув, что в дни пребывания в Праге чувствовал себя как дома, и сожалел, что редко приходится собираться вместе [23].

Говоря о «русских контактах» Н. Феттиха, несомненно следует упомянуть тот факт, что он соприкасался не только с учеными-эмигрантами, но также с коллегами из СССР. Он дважды посещал Советский Союз — в 1926 и 1935 гг. — и был едва ли не единственным венгерским археологом, кто

получил возможность провести научные исследования в стране [34. 51. old.]. В июле 1926 г. газета «Вечерняя Москва» напечатала его слова: «Национальный музей в Будапеште, а также провинциальные музеи Венгрии обладают в большей мере, чем какие-либо другие хранилища Европы, необычайно ценными материалами эпохи раннего Средневековья, унаследованными от пришедших с Востока кочевников (скифов, сарматов, гуннов, мадьяр и др. народов). Изучение этих исторических материалов совершенно невозможно без параллельного знакомства с коллекциями советских музеев» [35. С. 2]. Феттиху довелось побывать не только в столице, но также в Ленинграде, Казани и Перми. Он познакомился с Г.И. Боровкой, А.А. Захаровым, А.В. Шмидтом. Не без его участия, вероятно, состоялась публикация статьи П.С. Рыкова на венгерском языке [36. 225.—228. old.] и публикация в Будапеште фундаментального исследования А.А. Захарова [37]. Потому есть все основания полагать, что Н. Феттих был своего рода связующим мостом между учеными из Советской России и Зарубежной России, значение которого возрастало по мере опускания «железного занавеса». Разумеется, все советские контакты венгерского ученого находились под контролем, о чем свидетельствуют сохранившиеся архивные документы. Так, 5 июля 1929 г. Наркомат иностранных дел сообщал Всесоюзному обществу культурных связей с заграницей следующее мнение о дальнейших визитах венгерского ученого: «1) По наведенным в ВОКС-е справкам Феттих не представляет собою сколько-нибудь общественно значимой фигуры. С этой точки зрения вряд ли целесообразно вести с ним переговоры об организации в Венгрии Общества друзей СССР. Возможно, что Феттих много понаобещал бы (учитывая его заинтересованность в продолжении своей научной работы в СССР), но вряд ли эти обещания дали бы какие-либо конкретные результаты. Тем более, что влияние Феттиха в общественных кругах Венгрии, по-видимому, ничтожно. 2) Считаясь с уровнем взаимоотношений между СССР и Венгрией, НКВД относится вообще отрицательно как к поездкам граждан СССР в Венгрию, так и поездкам граждан Венгрии в СССР, если эти поездки не вызываются особой необходимостью. Поездка Феттиха в этом отношении не представляет собою исключения. 3) В связи с особыми обстоятельствами специально последнего периода (отношение венгерских властей к группе советских граждан, прибывших в Будапешт по приглашению тамошних торгово-промышленных кругов), поездки венгерских научных работников в данное время представляются особо нежелательными. Все это заставляет нас высказываться против разрешения поездки в СССР д-ра Феттиха в ближайшие месяцы» [38. Л. 46—46об.]. Ему все же повезло. В 1935 г. он снова получил возможность попасть в Советский Союз для проведения музейных исследований, правда лишь после долгой бюрократической волокиты [39. 37.—63. old.].

К сожалению, источники не позволяют пролить свет на то, обсуждал ли Н. Феттих свои поездки с кем-то из эмигрантов, делился ли с ними впечатлениями от поездок, рассказывал ли о встречах с советскими учеными. Неизвестно и то, как он реагировал на перемены, происходившие в Археологическом институте имени Н.П. Кондакова в конце 1930-х годов. В 1937 г. о желании поддержать организацию заявил югославский принц Павел (Павле Карађорђевић; 1893—1976). В середине 1937 г. группа русских историков решила на переезд на Балканы и уже начала паковать вещи. Эти люди руководствовались сложной международной обстановкой. Они боялись, что надвигающаяся неизбежная война приведет к захвату Праги немцами и потере всего, что с таким трудом создавалось на протяжении долгих лет изгнания. К тому же югославские власти обещали щедрое финансирование, в то время как чехословацкое

правительство помощь прекратило. Это предложение раскололо кондаковцев — часть уехала в Белград, а другие остались в Праге. Точку в конфликте поставил трагический случай. В апреле 1941 г. во время немецкой бомбардировки Белграда было разрушено здание, в котором располагился Кондаковский институт. Погиб его сотрудник Д.А. Расовский, а вместе с ним и часть библиотеки. Научная жизнь снова переместилась в Прагу, правда велась она в условия немецкой оккупации и цензуры.

17 апреля 1941 г. Н. Феттих получил письмо из Праги, в котором говорилось, что в настоящее время Археологический институт имени Н.П. Кондакова работает над подготовкой нового сборника трудов, к участию в котором его любезно приглашают [23]. Автором письма был Николай Ефремович Андреев (1908—1982), который сообщил, что в отсутствие доктора Н.П. Толля ему доверено руководство институтом, и что он просит по всем вопросам связываться с ним. Новый сборник так и не был собран. В трагических условиях войны такое предприятие было изначально обречено, и остается лишь удивляться наивности ученых-эмигрантов, веривших в его успех.

Последнее известное письмо на имя Н. Феттиха датировано 30 декабря 1942 г. Оно было кратким по содержанию и формальным по характеру: «От имени нашего института и от себя лично я хотел бы пожелать Вам счастливого Нового года, а также многих успехов в Вашей научной работе. В то же время я благодарю Вас за всегда интересные и ценные публикации, которые Вы отправляете в наш институт» [23]. Иных свидетельств о контактах венгерского археолога с русскими коллегами не обнаружено. Но это не удивительно, ибо Вторая мировая война привела к окончательному крушению эмигрантского мира. Прекратили существование прежние эмигрантские интеллектуальные центры, произошел раскол диаспоры в отношении оценки происходящих событий и личного участия в них. Кто-то встал на роковой путь коллаборационизма, иные ушли в Сопротивление, а некоторые предпочли остаться лишь безмолвными наблюдателями. Археологический институт имени Н.П. Кондакова хоть и продолжал деятельность в период Протектората, но она была вялой и невыразительной.

Вторая мировая война ознаменовалась большими потрясениями для самого Н. Феттиха. Насколько можно судить по известным источникам, он был аполитичным человеком, однако избежать водоворота военных событий ему не удалось. Осенью 1941 г. вместе со своим коллегой Дюлой Ласло он был призван в армию и направлен в Киев, где им было предписано сделать опись археологических коллекций Киево-Печерской Лавры. Этими работами ведал печально известный Оперативный штаб Альфреда Розенберга (*Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg*), занимавшийся вывозом культурных ценностей для будущего нацистского «супермузея» в Линце. Немцы были осведомлены о высокой квалификации венгерских ученых в сфере восточноевропейской археологии, а потому через венгерского министра по делам религии и культуры Балинта Хомана (*Hóman Bálint*; 1885—1951) потребовали отрядить для работ на Украине его соотечественников. Есть основания полагать, что решение было принято не без участия сотрудника немецкого археологического ведомства (*Reichsamt für Vorgeschichte*) Ганса Рейнерта (*Hans Reinerth*; 1900—1990), который был родом из Трансильвании. Вместе с тем Б. Хоман до прихода на министерский пост возглавлял Национальный музей, а потому хорошо знал о Н. Феттихе и его научной специализации [40. С. 12]. От этого периода остался крайне интересный документ — дневник Н. Феттиха за декабрь

1941 г. — январь 1942 г., повествующий о повседневной жизни украинской столицы под немецкой оккупацией [41].

После демобилизации Феттих вернулся к работе в Национальном музее. В Будапеште он услышал последние аккорды Второй мировой войны. Об этом периоде своей жизни Н. Феттих рассказал в письме к Э. Миннзу от 16 апреля 1946 г.: «Осада Будапешта длилась несколько месяцев. Это был ужасно для Венгерского Национального музея! Здание музея штурмовалось. В это ужасное время я получил в свои руки руководство музеем. Еще ранее старое здание музея подверглось тяжелому испытанию: попала бомба. Во время осады мы получили бесчисленное число прямых попаданий! Сначала сгорела часть крыши, а потом сгорел большой склад. Все это время я жил со своей семьей в подвале музея. Тем не менее, с тех пор наше здание было полностью отремонтировано. Внешние стены по-прежнему выглядят плохо. Исходный материал сохранен, и это главное. У меня была схожая работа в Киеве зимой 1941—1942 годов, где, с помощью венгерского коллеги, я сохранил доисторические и протоисторические коллекции Музея Лавры. За это нам выразили благодарность от имени советской российской науки по радио из Москвы (в конце лета 1944 года)» [32].

Деятельность Н. Феттиха в годы Второй мировой войны является темой для специального изучения, выходящего за рамки данной работы. Но она в определенной мере повлияла на его последующую судьбу. В первые послевоенные годы его научной карьере, казалось, ничто не угрожало. Он сохранял за собой пост директора Национального музея, который занял в апреле 1945 г. Внезапно все пошло под откос. В декабре 1948 г. грабители проникли в музей и похитили несколько предметов из коллекции драгоценностей князей Эстерхази. В отношении Феттиха были приняты дисциплинарные меры. Хотя долгое расследование не обнаружило его вины, равно как и украденных ценностей, 19 марта 1949 г. он был отправлен на пенсию [3. 459. old.]. Ученый на долгое время оказался исключен из официальной научной жизни, хотя и продолжал писать. Ему пришлось освоить профессию ювелира, чтобы зарабатывать на жизнь семьи. В официальную научную жизнь он смог вернуться только в 1959 г., когда был принят на работу в Венгерскую академию наук.

Думается, что в интеллектуальной среде социалистической Венгрии воспоминания Н. Феттиха о его контактах с русскими эмигрантами, «белогвардейцами», не могли поощряться, хотя работы, опубликованные в изданиях Археологического института имени Н.П. Кондакова, продолжали цитировать. Послевоенная участь этой уникальной научной организации тоже оказалась драматичной. Несмотря на усиленные попытки последнего директора профессора Антония Васильевича Флоровского (1884—1968) вернуть ей полноценную жизнь, причем под покровительством АН СССР, возродить работу не удалось. В 1952 г. Археологический институт имени Н.П. Кондакова был официально закрыт.

Судьба венгерского археолога Нандора Феттиха, равно как и судьбы сотрудничавших с ним русских ученых-эмигрантов, отражают драматические перипетии жизни европейского интеллектуала XX в., вовлеченного в вихрь исторических потрясений, ставшего свидетелем и участником переломных и зачастую трагических событий. Как бы то ни было, но контакты Н. Феттиха с русскими коллегами демонстрирует позитивный пример двухстороннего научного диалога, который продолжался, невзирая на суровые испытания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Fettich Nándor emlékezete / Sajtó alá rend. E. Tóth, G. Feiszt. Szombathely, 2009.
2. *Kelbert K.* Fettich Nándor régész Vas megyei gyökerei // *Savaria*. 2006. Т. 29.
3. *Bendefy L.* Fettich Nándor. 1900–1971 // *Magyar Történelmi Szemle*. 1971. Т. II. № 4.
4. *Magyar Nemzeti Múzeum irattára*. Nandor Fettich. FE7. 452.89.1. Ca 14.
5. *Басаргина Е.Ю.* Археологический институт им. Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*). По материалам архивов Праги // *Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга*. СПб., 2004.
6. Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*) в Праге за первый год его существования (по 17 февраля 1926 г.) // *Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение*. Прага, 1926.
7. *Fettich N.* Die Tierkampfszene in der Nomadenkunst // *Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение*. Прага, 1926.
8. Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*) за второй год его существования (по 17 февраля 1927 г.) // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1927. Т. I.
9. *Pósta B.* Archäologische Studien auf russischem Boden. Dritte asiatische Forschungsreise des Grafen Eugen Zichy. Budapest, 1905. Bd. III–IV.
10. Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*) за четвертый год его существования (по 17 февраля 1929 г.) // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1929. Т. III.
11. *Toll N.P.* Bronzedolche der Sammlung Zichy // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1929. Vol. IV.
12. *Kansalliskirjasto. Käsikirjoituskokoelmat*. Coll. 230. Tallgren, Aarne Michael. Box 3.
13. *Кондаков Н.П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929.
14. Архив государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. 5. Д. 936.
15. Oddělení dokumentace Ústavu dějin umění AV ČR. Fond Archeologický institut N.P. Kondakova. 1925–1952. Fond Archeologický institut N.P. Kondakova. KI-30 (Fettich N.).
16. *Калитинский А.П.* Из истории фибулы на Кавказе // *Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение*. Прага, 1926.
17. *Беляев Н.М.* Очерки по византийской археологии: I. Фибула в Византии // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1929. Т. III.
18. Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997.
19. *Salminen T.V.I.* Zausailovin kokoelman levintä ja kysymys arkeologisen kokoelman edustavuudesta // *Muinaistutkija*. 1997. № 2. S. 13–17.
20. *Клетнова Е.Н.* *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, том V. Helsinki, 1930 // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1931. Т. IV.
21. *Fettich N.* Über die ungarländischen Beziehungen der Funde von Ksp. Perniö, Tyynelä, Südwestfinnland // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1930. Vol. 5.
22. Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*) за третий год его существования (по 17 февраля 1928 г.) // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1928. Т. II.
23. Oddělení dokumentace Ústavu dějin umění AV ČR. Fond Archeologický institut N.P. Kondakova. 1925–1952. Fond Archeologický institut N.P. Kondakova. KI-13 (Fettich N.)
24. *Расовский Д.А.* Печенег, торки и берендеи на Руси и в Угрии // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1933. Т. VI.
25. *Rásonyi Nagy L.* Der Volksname берендей // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1933. Т. VI.
26. *Расовский Д.А.* Половцы. II. Расселение половцев // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1936. Т. VIII.
27. *Fettich N.* Eine Gotische Silberschale im Ungarischen Nationalmuseum // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1928. Т. II.
28. *Fettich N.* Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn. 1929.
29. *Росов В.А.* Семинариум Кондаковианум. Хроника реорганизации в письмах. 1929–1932. СПб., 1999.
30. *Roerich G.N.* Fettich: Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn. *Seminarium Kondakovianum*, ΣΚΥΘΙΚΑ, 2, Prague, 1929, 4, pp. 96,

XVII tables and 16 illustrations in the text // *Jornal of Urusvati Himalayan Research Institute*. New York, 1931. Vol. I. № 1.

31. *Rhé Gy., Fettich N.* Jutas und Öskü: zwei gräberfelder aus der völkerwanderungszeit in Ungarn mit einem antropologischen Anhand von L. Bartucz. (ΣΚΥΘΙΚΑ, 4). Prag, 1931.
32. Cambridge University Library: Manuscripts. Sir E.H. Minns Correspondence. Add. 7722. Box 1. Folder F (N. Fettich).
33. *Rhineland L.H.* Exiled Russian Scholars in Prague: The Kondakov Seminar and Institute // *Canadian Slavonic Papers*. 1974. Vol. XVI. № 3.
34. *Klima L.* A finnugor kor régészete és a magyar őstörténet // *Az Avicenna Közel-Kelet Kutatások Intézete Évkönyve*. 2013–2014. Piliscaba, 2015.
35. Венгерский археолог в Москве // *Вечерняя Москва*. 1926. 27 июля.
36. *Rykov P.S.* Aknasír a Sinowjewka (Petrovi terület, Saratow-i kormányzóság) falu melletti dombban // *Archaeologiai Értesítő*. 1928. XLII. Kötet.
37. *Zakharow A., Arendt W.* *Studia Levedica: Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. JH.* Budapest, 1935.
38. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 126. Л. 46–46об.
39. *Seres A.* Magyar «régészeti delegátus» Moszkvában a két világháború között. Levéltári források Fettich Nándor 1935. évi szovjet kutatóútjának tanulmányozásához 1935–1937 // *Limes*. 2012. T. XXV.
40. *Фодор І.* Угорські археологи у воєнному Києві // *Фемміх Н.* Київський щоденник. 3 XII.1941–19 I.1942. Київ, 2004.
41. *Фемміх Н.* Київський щоденник. 3 XII.1941–19 I.1942. Київ, 2004.